

валентных их смыслу предложениях. В своей работе, которая посвящена функциям пассива в немецком языке, С. Паппе-Мюллер рассматривает два вида конверсии: грамматическую и лексическую [4].

Активные и пассивные конструкции представляются сложными для тех, кто изучает немецкий язык [5; 6], поэтому отдельно рассматриваются в учебно-методических пособиях по немецкому языку как иностранному [7].

Библиографический список

1. Jung, W. Grammatik der Deutschen Sprache / W. Jung, G. Kunzendorf, E. Kurka, E. Stock, U. Stötzer, verb. Aufl. – Leipzig : Bibliographisches Institut, 1966. – XII, 518 s.
2. Адмони, В. Г. Теоретическая грамматика немецкого языка (строй современного немецкого языка) / В. Г. Адмони. – М. : Просвещение, 1986. – 336 с.
3. Hartung, W. Die Passivtransformationen im Deutschen / W. Hartung // Studia Grammatica. Vier Aufsätze. – Berlin, 1973. – S. 90–110.
4. Pape-Müller, S. Textfunktionen des Passivs / S. Pape-Müller. – Tübingen : Niemeyer, 1980. – 358 S.
5. Рыжанкова, Т. М. Система залоговых отношений в немецком языке / Т. М. Рыжанкова // Немецкий язык – лингводидактическое обеспечение и методика преподавания : сб. статей / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – С. 52–55.
6. Рыжанкова, Т. М. Структура и функции результативного пассива в немецком языке / Т. М. Рыжанкова // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова 2018 г. / под ред. Е. К. Сычовой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – С. 70–72.
7. Балабанова, Т. Н. Практический курс немецкого языка – 1 = Sprachpraxis Deutsch – 1 : учеб.-метод. пособие / Т. Н. Балабанова, И. В. Нивина, Н. А. Протасова, А. М. Старостина, А. Д. Теплякова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2021. – 212 с.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПЕЧАЛИ В СОВРЕМЕННЫХ БЕЛОРУССКИХ СМИ

И. О. Савенок (Минск, Беларусь)

В современной лингвистической науке актуальными являются исследования языковых репрезентаций внутреннего мира человека, выполненные в рамках антропоцентрической парадигмы, которая ставит человека «точкой отсчета в анализе» научного исследования [1]. Изучение сферы человеческих эмоций, одной из наиболее сложно организованных систем, представлено широким кругом исследователей: Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Л. Г. Бабенко, А. Вежбицкая, Л. Н. Иорданская, Н. А. Красавский, В. И. Шаховский и др.

Как пишет М. Л. Бутовская, «эмоции являются адаптивным ответом индивида на изменения в окружающей среде и важны в социально-коммуникативном, когнитивном и психологическом аспекте» [2, с. 174]. С. В. Маслечкина называет эмоции «мощным рычагом, помогающим открыть завесу над непонятым, расширить кругозор, приобрести новые навыки, умения, знания», отмечая, что эмоции составляют ядро мотивационной структуры человека [3]. В. И. Шаховский, считая эмоции мотивационной основой человеческого сознания, его неотъемлемым образующим компонентом, ввел термин «эмотиология», положив основу дальнейшего изучения эмоций в лингвистической науке [4]. Значительный вклад в изучение репрезентации внутреннего мира человека в белорусском языкознании внесли работы В. Д. Стариченка, В. А. Масловой, А. С. Дедовой, О. Ю. Шиманской, В. И. Жука.

Эмоциональная сфера исследуется в рамках эмотиологии, лингвистики эмоций, с когнитивными процессами, где поднимается проблема человека в языке или эмоций человека в языке [5].

Язык публицистического текста репрезентирует мир чувств, эмоций, настроений современных носителей языка. Журналистов В. И. Ивченко называют «проводником общественной коммуникации, носителем языка, который спонтанно выражает и формирует языковой вкус эпохи [6, с. 71], вследствие чего представляется актуальным исследование средств репрезентации эмоциональной сферы человека на материале современных текстов белорусских медиа.

В настоящее время, когда наблюдается тенденция трансформации языковой картины мира белорусов из наивной в более научную [7, с. 47], актуальным является определение особенностей репрезентации различных эмоций на современном этапе в сопоставлении с прошлым. Методология исследования основана на положениях когнитивной лингвистики, иллюстративный материал представлен выборкой из 200 статей, опубликованных в 2023 году крупнейшими белорусскими СМИ («СБ. Беларусь сегодня», «Звезда») [8; 9].

Авторитетной считается классификация американского психолога К. Изарда, в которой выделяется 10 фундаментальных эмоций: интерес, радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, вина. Печаль относится к фундаментальной эмоции, лексикографическая интерпретация которой представлена следующими определениями: в «Толковом словаре С. И. Ожегова»: 1. «Чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи», 2. «То же, что забота (устар. и прост.)»; в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова 1. «Скорбно-озабоченное, нерадостное, невеселое настроение, чувство», 2. «То, что внушает (внушало) такое чувство, является (являлось) источником, причиной его (·книж.)», 3. «Забота, огорчение (разг.)».

В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» печаль соотносится с тоской, унынием, грустью и определяется как «чувство, какое бывает, когда нет того, что человек хочет, и когда он думает, что желаемое невозможно». Дополнительно сообщается, что «синонимы в основном распадаются на две группы: тоска и уныние, с одной стороны, и грусть – с другой, а печаль является связующим звеном между ними» [10; 11; 12]. Следует отметить, что в «Словаре синонимов» под редакцией А. П. Евгеньевой и «Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений» под редакцией Н. Абрамова грусть и печаль не дифференцируются, что позволяет назвать их абсолютными синонимами [13; 14].

Сегодня в языке белорусской публицистики «печаль» употребляется регулярно. Качественная характеристика эмоции не найдена, при построении гипертекстового пространства номера издания печаль используется редко.

Исследование лексических средств репрезентации показало разнообразие имен существительных, с которыми сочетается лексема «печаль»: эмоциональные состояния в медиатексте часто сопоставляются: «Здесь бушует настоящий “винегрет” эмоций: растерянность, ощущение потери и пустоты, печаль, тревожность, чувство одиночества, страх перед будущим», «Мы тратим на него свои эмоции, переживаем радость, печаль, боль, какие-то события в жизни», противопоставляются: «Любовь и боль, печаль и радость», «Знакомство с демонстрационными моделями – одновременно восторг и печаль», «Что ты для меня? Надо выяснить. Солнце? Сумрак? Радость? Печаль?». В случае «А когда я здорова, грусть и печаль мне не свойственны», подчеркивается отрицательная коннотация астенической эмоции, вместе с тем зафиксированы контексты с положительной коннотацией: «Позвольте мальчику чувствовать весь спектр эмоций: боль, обиду, злость, печаль, разочарование, так вы даёте ему возможность вырасти внимательным, заботливым, способным к состраданию мужчиной», «Разрешите себе испытывать совершенно нормальные в вашей ситуации чувства: печаль, разочарование, неловкость и даже стыд, злость – только держите ее под контролем». Как и в традиционном представлении, зафиксированном в паремиологии и фразеологии, печаль имеет отрицательную («Моль одежду ест, а печаль – человека, «Печаль не красит, горе не цветит») и нейтральную оценку («Нет человека без печали, а если есть, то это не человек», «Нет розы без шипов, нет радости без печали»).

Частыми синонимами печали в текстах современных белорусских медиа выступают тоска, грусть, горе, скорбь, боль. Печальными белорусы описывают даты, финал, статистику, последствия, сообщения и др. Несмотря на то что имя существительное печаль является абстрактным, в публицистическом тексте встречаются случаи употребления форм множественного числа: «Можете делиться радостями и печалью», поскольку человек способен испытывать одновременно несколько отвлеченных чувств. Языковой анализ сочетаний показал: сильная степень печали выражается при помощи прилагательных большая, сплошная, неопи- сываемая, слабая – легкая, тихая.

Эмоциональный фон медиатекста поддерживается большой концентрацией глаголов с семантикой печали. В то время как паремиология иллюстрирует зафиксированный столетиями в языке ментально-языковой образ печали, где номенант эмоции персонифицируется (печаль угнетает, точит сердце, нападает), в текстах современных СМИ отмечаются немногочисленные примеры персонификации (народ охватила печаль, пробудил печаль), в большинстве случаев печаль в предложении выполняет функцию объекта действия.

«Можете делиться радостями и печалью», – говорится в статье о психологии женской дружбы, где в пределах одного предложения репрезентуется синтез полярных эмоций, взаимосвязь которых объяснена в другой статье: «Печаль вызывается недостаточной выработкой гормонов радости серотонина и дофамина». В данном примере печаль, сопоставленная с положительной эмоцией радости, охарактеризована как естественная здоровая реакция организма, которой тоже стоит «делиться», что позволяет подтвердить устойчивую тенденцию трансформации языковой картины мира белорусов из наивной в более научную.

Проанализировав синтаксические конструкции, можно сделать вывод, что чаще всего в репрезентации печали в современном медиатексте выступают модели: N, V, V+N. Многочисленное употребление называющей и выражающей эмоции лексики несет не только информативную, но и эмотивную функцию: приближает текст к читателю, создавая условия «погружения» в новостную реальность.

Таким образом, социальную значимость фундаментальной эмоции печали подтверждает многократность упоминания в текстах белорусских СМИ. В то время как паремиология иллюстрирует зафиксированный столетиями в языке ментально-языковой образ печали, где номенант эмоции персонифицирован и чаще имеет негативную коннотацию, современная публицистика отображает особенности речевого поведения и восприятия печали, где эмоция имеет нейтральную оценку. Многочисленное употребление называющей и выражающей эмоции лексики несет не только информативную, но и эмотивную функцию: приближает текст к читателю, создавая условия «погружения» в новостную реальность.

Библиографический список

1. Костомаров, П. И. Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики / П. И. Костомаров // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2014. – № 2–1. – С. 198–203.
2. Бутовская, М. Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека) / М. Л. Бутовская. – М. : Науч. мир, 2004. – 440 с.
3. Маслечкина, С. В. Выражение эмоций в языке и речи / С. В. Маслечкина // Вестн. Брян. гос. ун-та. – 2015. – № 3. – С. 231–236.
4. Шаховский, В. И. Эмоции – мотивационная основа человеческого сознания / В. И. Шаховский // Вопр. психолингвистики. – 2006. – Вып. 4. – С. 64–68.
5. Шаховский, В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В. И. Шаховский. – М. : Либроком, 2013. – 128 с.
6. Іўчанкаў, В. І. Медыярыторыка: рытарычныя асновы журналістыкі, лінгвістыка публіцыстычнага тэксту, дыскурсны аналіз сродкаў масавай інфармацыі : курс лекцый / В. І. Іўчанкаў. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2009. – 280 с.

7. Shymanskaya, O. Semantic Patterns for Anger in the Belarusian Language / O. Shymanskaya // Paradigmata Poznání. – 2022. – № 4. – P. 47–49.
8. SB BY. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sb.by>. – Дата доступа: 12.09.2023.
9. Звезда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zviazda.by/be>. – Дата доступа: 12.09.2023.
10. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru>. – Дата доступа: 12.09.2023.
11. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru>. – Дата доступа: 12.09.2023.
12. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / В. Ю. Апресян [и др.] ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. и лит. ; под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Яз. славян. культуры ; Вена : Wiener slavistische alm., 2004. – 1417 с.
13. Словарь синонимов русского языка : в 2 т. / Л. П. Алекторова [и др.] ; Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : АСТ : Астрель, 2001. – 2 т.
14. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений : ок. 5000 синоним. рядов и более 20000 синонимов / Н. Абрамов. – 7-е изд., стер. – М. : Рус. слов. [и др.], 1999. – 667 с.

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД К ПЛАНИРОВАНИЮ УЧЕБНЫХ ДИСЦИПЛИН ПО МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

И. Э. Савко (Минск, Беларусь)

Новое поколение образовательных стандартов и учебных планов по специальностям высшего образования Республики Беларусь разработано с учетом компетентностного подхода, предполагающего, что обучение имеет прикладную, профессиональную направленность, в результате чего у выпускника учреждения высшего образования должны быть сформированы универсальные, базовые профессиональные и специализированные компетенции, необходимые для решения теоретических и практических задач в выбранной сфере деятельности.

В типовом учебном плане специальности 1-21 05 02 Русская филология (по направлению), утвержденном Министерством образования Республики Беларусь 30.06.2021 [1], и в примерном учебном плане специальности 6-05-0232-02 Русская филология, утвержденном Министерством образования Республики Беларусь 12.01.2023 [2], определено, что в результате изучения учебных дисциплин, связанных с преподаванием русского языка, формируются универсальные, базовые профессиональные и специализированные компетенции.

Основная из данных дисциплин – «Методика преподавания русского языка», в процессе изучения которой у студентов должны быть сформированы универсальная компетенция, предполагающая наличие способности «к саморазвитию и совершенствованию в профессиональной деятельности», и базовая профессиональная компетенция – «применять эффективные средства и методы обучения русскому языку, реализовывать различные формы организации обучения и контроля в учреждениях общего среднего образования» [1; 2].

«Методика преподавания русского языка» изучается в 3-м семестре (2-й курс). На данную дисциплину отведено 64 аудиторных часа (лекции – 40 ч., практические занятия – 20 ч., управляемая самостоятельная работа – 4 ч.), форма текущей аттестации – экзамен.

В учебной программе по «Методике преподавания русского языка» отмечается, что целью обучения является «теоретическая и практическая подготовка студентов-филологов к са-